

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ==

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2018.4.18>

UDC 343.132
LBC 67.73

Submitted: 17.09.2018
Accepted: 22.10.2018

ON THE “HIGH” LEGAL VALUE OF INTERROGATING A SUSPECT (WHILE HE/SHE IS IN CUSTODY IN THE PROCEDURE OF PART 12 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Sergey B. Rossinskiy

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation

Introduction: currently, the interrogation of a person detained on suspicion of committing a crime is burdened with a number of the doctrinal and applied problems caused both by the lack of the proper procedural regulation and deeper (methodological) reasons. In this regard, the author of the article **aims** to analyze and understand the existing problems and to offer the solutions. **Methods:** the methodological framework for this study is a set of methods of scientific knowledge, in particular the universal dialectical method, as well as the methods of analysis, synthesis, analogy, historical and legal method, the method of systematic research, etc. **Results:** 1) with the reduction of the jurisdictional (investigative) powers in the general mechanism of detention, the interrogation remains almost the only procedural action that allows the investigator to fully communicate with the suspect in the legal framework established by the Criminal Procedure Code of the RF; (2) when interrogating, the investigator must explain to the suspect his/her rights, the grounds and reasons for the detention and also find out whether he/she or his/her counsel wishes to express his/her attitude to the detention. **Conclusions:** in the context of the constitutional and inter-sectoral approach to the procedure of the detention of a suspect proposed in a number of other works of the author, his/her interrogation acquires a “high” legal significance. It is the interrogation as the first procedural act of the detainee’s interaction with the investigator that has to cause the beginning of the implementation of criminal prosecution (formal declaring the person an arguido) and assume the need of advising him/her of all their rights provided by Art. 46 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Key words: interrogation of a suspect, detention of a suspect, suspect, suspicion, rights of a suspect.

Citation. Rossinskiy S.B. On the “High” Legal Value of Interrogating a Suspect (While He/She is in Custody in the Procedure of Part 12 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). *Legal Concept*, 2018, vol. 17, no. 4, pp. 125-132. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2018.4.18>

УДК 343.132
ББК 67.73

Дата получения статьи: 17.09.2018
Дата принятия статьи: 22.10.2018

О «ВЫСОКОМ» ПРАВОВОМ ЗНАЧЕНИИ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ПРИ ЕГО ЗАДЕРЖАНИИ В ПОРЯДКЕ гл. 12 УПК РФ)

Сергей Борисович Россинский

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Российская Федерация

Введение: в настоящее время допрос лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, обременен рядом доктринальных и прикладных проблем, вызванных как отсутствием надлежащей процессуальной регламентации, так и более глубокими (методологическими) причинами. В этой связи автор статьи ставит **цель** – проанализировать и осмыслить существующие проблемы, предложить варианты их решения. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, в частности всеобщий диалектический метод, а также методы анализа, синтеза, аналогии, историко-правовой метод, метод системного исследования и др. **Результаты:** 1) при сокращении юрисдикционных (следственных) полномочий в общем механизме задержания допрос остается практически единственным процессуальным действием, позволяющим следователю полноценно пообщаться с подозреваемым в установленном УПК РФ правовом поле; 2) приступая к допросу, следователю надлежит разъяснить подозреваемому его права, основания и мотивы задержания, а также выяснить, желает ли он или его защитник выразить свое отношение к проведенному задержанию. **Выводы:** в контексте предложенного в целом ряде других работ автора конституционно-межотраслевого подхода к процедуре задержания подозреваемого его допрос приобретает «высокое» правовое значение. Именно допрос как первый процессуальный акт взаимодействия задержанного со следователем должен обуславливать начало осуществления уголовного преследования (формальное придание лицу статуса подозреваемого) и предполагать необходимость разъяснения ему всех прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ.

Ключевые слова: допрос подозреваемого, задержание подозреваемого, подозреваемый, подозрение, права подозреваемого.

Цитирование. Россинский С. Б. О «высоком» правовом значении допроса подозреваемого (при его задержании в порядке гл. 12 УПК РФ) // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 125–132. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2018.4.18>

Введение

Допрос подозреваемого – вербальное следственное действие, состоящее в получении показаний от этого участника уголовного судопроизводства об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела. Ввиду особого правового статуса подозреваемого его допрос имеет двойственную процессуальную природу, являясь, с одной стороны, формой восприятия доказательственной информации, а с другой – средством защиты от уголовного преследования.

Лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, дает показания в общем порядке, установленном для производства допроса в ходе предварительного расследования, но с учетом ряда особенностей, обусловленных его правовым статусом и спецификой следственной ситуации. В процессуальной регламентации и содержании этого следственного действия реализуются важнейшие принципы уголовного судопроизводства: законность, уважение чести и достоинства личности, охрана прав и свобод человека и гражданина, обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту, язык уголовного судопроизводства и др. В механизмы допроса подозреваемого имплантированы общие усло-

вия предварительного расследования, а также общие правила производства следственных действий.

Анализ литературы показывает достаточно слабый научный интерес специалистов к допросу подозреваемого после его задержания. К сожалению, процессуальные аспекты проведения этого познавательного приема традиционно освещаются преимущественно описательным способом, предполагающим пересказ (в лучшем случае – доктринальное толкование) соответствующих положений закона [9, с. 17–19; 12, с. 10–12; 15, с. 84–85].

Очевидно, что столь малая популярность сугубо правовых проблем допроса подозреваемого в среде ученых обусловлена его некоторой преемственностью к иным видам допроса, в первую очередь к допросу обвиняемого. Хотя для справедливости необходимо отметить, что в последнее время ввиду новых концептуальных стандартов уголовного судопроизводства, признания приоритета прав и свобод личности, имплементации в национальную юрисдикционную систему норм международного права и решений Европейского суда по правам человека наблюдается устойчивая тенденция по актуализации этих вопросов.

Представляется, что многие имеющие в настоящее время проблемы теории и практики допроса лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, вызваны отсутствием надлежащей процессуальной регламентации, фактически балансирующей между общими подходами к проведению следственных действий, правилами допроса свидетеля (потерпевшего) и особенностями допроса обвиняемого. Однако существуют и более глубокие причины, как унаследованные от советской правовой доктрины, так и обусловленные современными научными представлениями о механизмах уголовно-процессуальной деятельности.

**Допрос подозреваемого
в общем механизме задержания лица
по подозрению в совершении
преступления**

Первое, с чего необходимо начать рассмотрение вопросов допроса подозреваемого, – определить, какими правовыми нормами надлежит руководствоваться при его производстве. Так, согласно ч. 4 ст. 92 УПК РФ в ее системном единстве с ч. 2 ст. 46 УПК РФ лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, должно быть допрошено в порядке, установленном ст. 189 и 190 УПК РФ. Казалось бы, подобная правовая конструкция вполне разумна, поскольку указанные положения закона определяют общие требования к проведению допроса. Однако нельзя забывать о существовании установленной ст. 173 УПК РФ специальной процедуры допроса обвиняемого, предполагающей некоторые дополнительные гарантии обеспечения права на защиту. С учетом близости процессуальных статусов подозреваемого и обвиняемого, предполагающих осуществление в отношении них уголовного преследования, подобное законодательное решение представляется более чем странным. Да, безусловно, ст. 189, 190 УПК РФ выражают общие подходы к допросу как процессуальному действию, а ст. 173 УПК РФ – лишь дополнительные гарантии, необходимые для вербального общения следователя с обвиняемым. Но почему разработчики Уголовно-процессуального кодекса не распространили данные гарантии на подозреваемого?

В силу отсутствия таких гарантий или, по крайней мере, отсылочной нормы, прямо предопределяющей правовую преемственность допроса подозреваемого от допроса обвиняемого, это следственное действие как бы попадает не в свою «компанию». Исходя из буквального толкования УПК РФ процедура допроса подозреваемого оказывается более сориентированной на порядок получения показаний от свидетеля или потерпевшего.

Вполне очевидно, что допрос подозреваемого – следственное действие, которое по своей правовой природе родственно допросу обвиняемого, и это подтверждается множеством аргументов, начиная от вышеупомянутой близости процессуальных статусов этих участников уголовного судопроизводства и заканчивая отнесением соответствующих показаний к одному и тому же виду доказательств (п. 1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Закон в равной степени гарантирует подозреваемому и обвиняемому право на защиту, в том числе посредством возможности давать любые показания или отказаться от дачи показаний без какой-либо ответственности. Кстати, в этой связи весьма примечательно, что Европейский суд по правам человека вообще не проводит столь жесткой грани между статусами подозреваемого и обвиняемого, как это закреплено в УПК РФ. Судебная практика Европейского суда исходит не из формального, а из содержательного (сущностного) понимания обвинения и подозрения, а равно процессуального статуса подозреваемого и обвиняемого¹.

Также следует обратить внимание на то, что правила допроса несовершеннолетнего подозреваемого законодатель совершенно справедливо отождествляет с правилами допроса несовершеннолетнего обвиняемого, предусматривая для них специальную ст. 425 УПК РФ, тогда как процедура допроса несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего регламентирована ст. 191 УПК РФ.

Положения ст. 189 УПК РФ не предоставляют подозреваемому тех процессуальных гарантий, которые обусловлены его правовым статусом. Право на предварительное свидание с защитником законодатель пытается восполнить в ч. 4 ст. 92 УПК РФ. Однако в остальном порядок допроса лица, задержанного по подозрению в совершении преступ-

ления, по уровню процессуальной опеки сильно уступает аналогичному порядку, установленному ст. 173 УПК РФ.

Подчас создается впечатление, что разработчики УПК РФ, конструируя механизм допроса подозреваемого посредством целой цепочки отсылочных норм, четко не проследили логику своих рассуждений. Этим они сильно осложнили восприятие того правового замысла, который попытались донести до потенциального читателя, в первую очередь – до правоприменителя, тем более что в ранее действовавшем советском процессуальном законодательстве данный вопрос был решен гораздо более просто и понятно: ст. 123 УПК РСФСР четко указывала на необходимость проведения допроса подозреваемого в порядке, установленном для допроса обвиняемого. И на это обстоятельство вполне справедливо обращали внимание многие ученые [3, с. 63; 4, с. 44; 8, с. 65; 11, с. 190].

Допрос лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, безусловно, должен иметь правовую преемственность не по отношению к допросу свидетеля или потерпевшего, а по отношению к допросу обвиняемого и проводится в порядке, установленном ст. 173 УПК РФ. Это следственное действие может быть произведено лишь после предоставления подозреваемому права предварительного конфиденциального свидания с защитником продолжительностью не менее двух часов. Приступая к допросу, следователь должен выяснить у подозреваемого: а) признает ли он себя причастным к совершению того преступления, по подозрению в котором был задержан; б) желает ли он дать показания; в) на каком языке он желает давать показания.

Наверное, ни у кого из специалистов не может быть и тени сомнения в том, что перед допросом лицо надлежит поставить в известность о сущности выдвинутого в отношении него подозрения – реализовать его право, предусмотренное п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ. К великому сожалению, сегодня такое требование можно усмотреть лишь из смысла действующего закона, хотя ранее данная процессуальная обязанность прямо регламентировалась ч. 2 ст. 123 УПК РСФСР 1960 г. и аналогичными положениями уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик.

В этой связи советские ученые активно обсуждали вопрос о моменте уведомления задержанного о сущности выдвинутого в отношении него подозрения. Наибольшее распространение получил тезис, предполагающий выполнение указанного предписания до проведения допроса (непосредственно перед допросом) [10, с. 95; 11, с. 193]. Логика авторов такой позиции вполне понятна и объяснима – стремление сформировать прикладной алгоритм, аналогичный (по крайней мере близкий) процедуре предъявления обвинения, выполняемой по формуле «установление личности → объявление сущности обвинения → разъяснение прав → конфиденциальное свидание с защитником → допрос». Поэтому приведенная точка зрения, на первый взгляд, вполне разумна и справедлива.

Однако в ней все же есть одно слабое место, которое вытекает из методологии самой сущности подозрения. Ведь на сегодняшний день категория «подозрение» не имеет четкой правовой определенности. Она проявляется в тексте УПК РФ, а следовательно и в правоприменительной практике, через формальные условия возникновения в уголовном деле фигуры подозреваемого. Попытки ученых разработать и внедрить в сферу уголовно-процессуального регулирования некую специальную правовую технологию выдвижения подозрения [5, с. 13–18; 7, с. 7–11; 16, с. 106–112] пока не приносят желаемых результатов. В современных условиях подозрение в отношении задержанного не предполагает отдельного следственного акта, содержащего предварительные уголовно-правовые притязания по аналогии с «дознавательским» уведомлением, вынесенным в порядке ст. 223.1 УПК РФ. Подозрение в отношении задержанного фактически формулируется посредством краткого указания в протоколе задержания соответствующих оснований и мотивов, позволяющих сделать промежуточный вывод о причастности данного лица к преступлению. Напомним, что ранее, анализируя эти вопросы, мы пришли к выводу о заложенной в ст. 91 УПК РФ методологической ошибке, выраженной в законодательном смешении оснований для задержания с основаниями для подозрения лица [13, с. 119–125].

Таким образом, при действующих в настоящее время правилах задержания возложенное на следователя неписанное бремя по разъяснению подозреваемому перед его допросом сущности выдвинутого в отношении него подозрения вообще теряет всякий смысл. Если подозрение – это и есть те краткие формулировки, которые указаны в протоколе, например: «он был застигнут...», «на него показал...», «у него было обнаружено...» и т. п., то зачем же знакомиться с ними дважды: сначала при подписании протокола в порядке ч. 2 ст. 92 УПК, а затем – перед допросом. Тем более, что в практической деятельности допрос, как правило, проводится сразу после оформления этого самого протокола.

Однако если исходить из выдвинутой нами ранее позиции о сугубо «полицейском характере» задержания подозреваемого², предполагающем исключение обязанности составления соответствующего протокола из системы уголовно-процессуального регулирования, то вышеуказанный тезис подлежит кардинальному пересмотру. При сокращении юрисдикционных (следственных) полномочий в общем механизме задержания *допрос остается практически единственным процессуальным действием, позволяющим следователю полноценно пообщаться с подозреваемым в установленном УПК РФ правовом поле.*

В этой связи представляется, что не протокол задержания (как это установлено в настоящее время в п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ), а именно *допрос должен расцениваться как некая точка отсчета для возникновения статуса подозреваемого в уголовно-процессуальном смысле, то есть как правовой акт, обуславливающий начальный момент (возбуждение) в отношении задержанного уголовного преследования.*

Другое дело, что подозрение, имея предварительный, до конца не определенный характер, в принципе, не может предполагать такую же четко сформулированную уголовно-правовую претензию (некую «формулу подозрения»). Подозрение в контексте п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, скорее, является интеллектуальным достижением, неким мысленным набором версий и предположений, существующих не «на бумаге», а в сознании следовате-

ля, допускающего их последующее перерастание в обвинительный тезис. Подозрение в совершении преступления, как отмечает Д.Т. Арабули, имеет более абстрактный, расплывчатый характер, менее конкретизированный, чем сформулированное и предъявленное обвинение [2, с. 14]. «В гносеолого-психологическом аспекте, – пишет А.В. Калинин, – подозрение представляет собой основанное на доказательствах и сведениях, полученных непроцессуальным путем, предположение следователя, отражающее его субъективное отношение к версии о виновности лица в совершении преступления как веры в правильность суждения о наличии признаков преступления в деянии и причастности лица (лиц) к его совершению» [7, с. 8].

В противном случае выдвижение подозрения трансформировалось бы в еще одну юрисдикционную процедуру, напоминающую предъявление обвинения в первоначальной редакции. Кстати, в своих публикациях мы, наоборот, выступаем за некое упрощение процессуального режима первых 48 часов работы с задержанным, за отмену требования о предъявлении ему первоначального обвинения для решения вопроса об избрании меры пресечения и т. д. [14, с. 30–36].

С другой стороны, сам допрос подозреваемого необходим не только в качестве гарантии защиты от уголовного преследования. Он, безусловно, выполняет и классическую цель любых следственных действий – получение новых сведений, имеющих значение для уголовного дела. В связи с этим его проведение предполагает известную степень безотлагательности. Допрос нельзя откладывать на потом, превращая в завершающий акт работы с подозреваемым в надежде на возможность установить основания для уголовного преследования иными путями. *Допрос – это самый первоначальный познавательный прием, с которого следователю и надлежит начинать процессуальное взаимодействие с доставленным лицом для более ясного понимания перспектив его дальнейшего участия в уголовном деле как подозреваемого.*

Каждому специалисту, хоть немного знакомому с современной практикой, прекрасно известна весьма распространенная приклад-

ная технология, которая заключается в двухэтапном допросе задержанного: сначала в качестве свидетеля, а затем – как подозреваемого. Полностью разделяя все имеющиеся негативные оценки подобного поведения следователей, мы, тем не менее, полагаем, что его причины хотя бы частично обусловлены сугубо процессуальным фактором – стремлением получить первоначальные сведения от задержанного в условиях несформированности в отношении него каких-то, пусть даже самых предварительных, уголовно-правовых притязаний.

Поэтому вытекающая из смысла п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ идея о разъяснении подозреваемому сущности выдвинутого в отношении него подозрения не может предполагать некоего предшествующего допросу самостоятельного процессуального действия, имеющего отдельную процессуальную регламентацию. Выполнение данной обязанности должно быть процедурно встроено, интегрировано в допрос подозреваемого. *Наиболее правильным способом реализации этого замысла представляется введение в правила допроса подозреваемого дополнительного требования примерно следующего содержания: «Приступая к допросу, следователь обязан разъяснить подозреваемому основания и мотивы задержания, а также выяснить, желает ли он или его защитник выразить свое отношение к проведенному задержанию».*

Кстати, все вышесказанное дает основания для пересмотра, установленного ч. 2 ст. 46 УПК РФ, 24-часового срока допроса подозреваемого, исчисляемого с момента фактического задержания. В специальной литературе уже неоднократно высказывались различные оценки этого законодательного предписания [1, с. 105; 6, с. 121–122]. Некоторые авторы даже предлагают исчислять срок допроса не с момента фактического задержания, а с момента составления протокола и т. д. [17, с. 22].

Однако если рассматривать допрос подозреваемого в качестве безотлагательного следственного акта, в качестве правового условия возбуждения в отношении лица уголовного преследования, юридически заменяющего процессуальное решение об его задержании,

то сроки проведения данного следственного действия, бесспорно, должны быть идентичны срокам, установленным в настоящее время для составления протокола в порядке ст. 92 УПК РФ. Иными словами, мы полагаем, что *подозреваемый подлежит допросу в течение 3 часов с момента его доставления в органы дознания или к следователю.*

Выводы

Подводя итог всему вышесказанному, еще раз отметим, что в контексте разрабатываемого нами конституционно-межотраслевого подхода к процедуре задержания подозреваемого его допрос приобретает «высокое» правовое значение. Именно допрос как первый процессуальный акт взаимодействия задержанного со следователем должен обуславливать начало осуществления уголовного преследования (формальное придание лицу статуса подозреваемого) и предполагать необходимость разъяснения ему всех прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например: Постановление Европейского суда по правам человека от 27 февраля 1980 г. по делу Девеер (Deweert) против Бельгии (жалоба № 6903/75); Постановление Европейского суда по правам человека от 15 июля 1982 г. по делу «Экле (Eckle) против Федеративной Республики Германии» (жалоба № 8130/78).

² Результаты наших исследований, позволивших выдвинуть тезисы о сугубо «полицейском» характере задержания подозреваемого и об отсутствии необходимости вынесения протокола задержания в порядке ст. 92 УПК РФ, на момент подготовки настоящей статьи еще не опубликованы. В ближайшее время предполагается издание следующих статей: «Цели задержания подозреваемого в общем механизме ограничения права человека на свободу и личную неприкосновенность» – в одном из последних номеров журнала «Законы России: опыт, анализ, практика» за 2018 г.; «Протокол – лишнее звено в механизме задержания лица по подозрению в совершении преступления» – в одном из последних номеров журнала «Актуальные проблемы российского права» за 2018 год.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев, В. Н. Подозреваемый в уголовном судопроизводстве России / В. Н. Авдеев, Ф. А. Богацкий. – Калининград : КЮИ МВД России, 2006. – 158 с.
2. Арабули, Д. Т. Правила производства допроса подозреваемого и их детализация / Д. Т. Арабули // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2009. – № 19. – С. 14–17.
3. Березин, М. Н. Задержание в советском уголовном судопроизводстве / М. Н. Березин, И. М. Гуткин, А. А. Чувилев. – М. : Академия МВД СССР, 1975. – 93 с.
4. Васильев, А. Н. Тактика допроса / А. Н. Васильев, Л. М. Карнеева. – М. : Юрид. лит., 1970. – 208 с.
5. Грибунов, О. П. Обоснованность подозрения как гарантия законности ограничения прав и свобод граждан при применении мер принуждения в уголовном судопроизводстве / О. П. Грибунов, В. Г. Степанова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 5. – С. 13–18.
6. Зайцев, О. А. Подозреваемый в уголовном процессе / О. А. Зайцев, П. В. Смирнов. – М. : Экзамен, 2005. – 320 с.
7. Калинин, А. В. Процедура выдвижения подозрения как гарантия прав личности в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Калинин Алексей Владимирович. – Саратов : СГЮА, 2016. – 26 с.
8. Карнеева, Л. М. Допрос подозреваемого и обвиняемого / Л. М. Карнеева, А. Б. Соловьев, А. А. Чувилев. – М. : ВНИИ Прокуратуры СССР, 1969. – 124 с.
9. Ластов, С. И. Допрос – важнейшее следственное действие / С. И. Ластов, Ф. Г. Тарасенко. – Киев : ВШ МВД УССР, 1962. – 35 с.
10. Медведев, Н. Н. Тактика допроса подозреваемого / Н. Н. Медведев // Труды Иркутского университета. – Т. 39, вып. 7. – Ч. 2. – Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 1965. – С. 93–98.
11. Порубов, Н. И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве / Н. И. Порубов. – Минск : Вышэйшая школа, 1973. – 368 с.
12. Протасевич, А. А. Допрос как процесс информационного взаимодействия / А. А. Протасевич. – Иркутск : ИГЭА, 1999. – 61 с.
13. Россинский, С. Б. Основания для подозрения лица в совершении преступления и основания для задержания подозреваемого: проблемы разграничения / С. Б. Россинский // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 3 (26). – С. 119–127.
14. Россинский, С. Б. Правовые условия применения мер уголовно-процессуального пресечения приводят к поспешности и необоснованности

обвинения / С. Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 5. – С. 30–36.

15. Соловьев, А. Б. Допрос на предварительном следствии / А. Б. Соловьев, Е. Е. Центров. – М. : ИПК руководящих кадров Прокуратуры СССР, 1977. – 146 с.
16. Сопнева, Е. В. Статусы подозрения и обвинения в уголовном судопроизводстве / Е. В. Сопнева // Журнал российского права. – 2015. – С. 105–113.
17. Чернова, С. С. Меры уголовно-процессуального принуждения / С. С. Чернова. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 194 с.

REFERENCES

1. Avdeev V.N., Bogatskiy F.A. *Podozrevaemyy v ugovnom sudoproizvodstve Rossii* [Suspect in the Criminal Proceedings of Russia]. Kaliningrad, KYul MVD Rossii Publ., 2006. 158 p.
2. Arabuli D.T. *Pravila proizvodstva doprosa podozrevaemogo i ikh detalizatsiya* [Rules of the Suspect's Interrogation and Their Detailing]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosuniversiteta*, 2009, no. 19, pp. 14-17.
3. Berezin M.N., Gutkin I.M., Chuvilev A.A. *Zaderzhanie v sovetskom ugovnom sudoproizvodstve* [Detention in the Soviet Criminal Proceedings]. Moscow, Akademiya MVD SSSR Publ., 1975. 93 p.
4. Vasilyev A.N., Karneeva L.M. *Taktika doprosa* [Interrogation Tactics]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1970. 208 p.
5. Gribunov O.P., Stepanova V.G. *Obosnovannost podozreniya kak garantiya zakonnosti ogranicheniya prav i svobod grazhdan pri primenenii mer prinuzhdeniya v ugovnom sudoproizvodstve* [Substantiation of Suspicion as a Guarantee of the Legality of Restricting the Rights and Freedoms of Citizens in the Application of Coercive Measures in Criminal Proceedings]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2018, no. 5, pp. 13-18.
6. Zaytsev O.A., Smirnov P.V. *Podozrevaemyy v ugovnom protsesse* [The Suspect in Criminal Proceedings]. Moscow, Ekzamen Publ., 2005. 320 p.
7. Kalinkin A.V. *Protsedura vydvizheniya podozreniya kak garantiya prav lichnosti v ugovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Procedure of Suspicion Claim as a Guarantee of Individual Rights in Criminal Proceedings. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Saratov, SGYuA Publ., 2016. 26 p.
8. Karneeva L.M., Solovyev A.B., Chuvilev A.A. *Dopros podozrevaemogo i obvinyaemogo* [Interrogation of the Suspect and the Accused]. Moscow, VNII Prokuratury SSSR Publ., 1969. 124 p.

9. Lastov S.I., Tarasenko F.G. *Dopros – vazhneyshee sledstvennoe deystvie* [Interrogation – the Most Important Investigative Action]. Kiev, VSh MVDUSSR Publ., 1962. 35 p.

10. Medvedev N.N. Taktika doprosa podozrevaemogo [Tactics of Interrogation of the Suspect]. *Trudy Irkutskogo universiteta*, vol. 39, iss. 7. Part. 2. Irkutsk, Irkut. gos. un-t Publ., 1965, pp. 93-98.

11. Porubov N.I. *Dopros v sovetskom ugolovnom sudoproizvodstve* [Interrogation in Soviet Criminal Proceedings]. Minsk, Vyshaya shkola Publ., 1973. 368 p.

12. Protasevich A.A. *Dopros kak protsess informatsionnogo vzaimodeystviya* [Interrogation as a Process of Informational Interaction]. Irkursk, IGEA Publ., 1999. 61 p.

13. Rossinskiy S.B. Osnovaniya dlya podozreniya litsa v sovershenii prestupleniya i osnovaniya dlya zaderzhaniya podozrevaemogo: problemy razgranicheniya [Grounds for Suspicion of a Person in Committing Crime and Grounds for Detaining a Suspect: Problems of Delimitation]. *Biblioteka*

kriminalista. Nauchnyy zhurnal, 2016, no. 3 (26), pp. 119-127.

14. Rossinskiy S.B. Pravovye usloviya primeneniya mer ugolovno-protsessualnogo presecheniya privodyat k pospeshnosti i neobosnovannosti obvineniya [Legal Conditions for the Application of Measures of Criminal Procedure Restraint Lead to Haste and Unfounded Accusations]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2018, no. 5, pp. 30-36.

15. Solovyev A.B., Tsentrov E.E. *Dopros na predvaritelnom sledstvii* [Interrogation at the Preliminary Investigation]. Moscow, IPK rukovodyashchikh kadrov Prokuratury SSSR, 1977. 146 p.

16. Sopneva E.V. Statusy podozreniya i obvineniya v ugolovnom sudoproizvodstve [The Statuses of Suspicion and Accusation in Criminal Proceedings]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2015, pp. 105-113.

17. Chernova S.S. *Mery ugolovno-protsessualnogo prinuzhdeniya* [Measures of Criminal Procedural Coercion]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 194 p.

Information about the Author

Sergey B. Rossinskiy, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor of Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University, Sadovaya-Kudrinskaya St., 9, 125993 Moscow, Russian Federation, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Информация об авторе

Сергей Борисович Россинский, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), ул. Садовая-Кудринская, 9, 125993 г. Москва, Российская Федерация, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>